

МАТУШКИ

Владимир Чугунов

**Матушки. Очерки о подвижницах
благочестия наших дней**

МОФ «Родное пепелище»

2010

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Чугунов В. А.

Матушки. Очерки о подвижниках благочестия наших дней /
В. А. Чугунов — МОФ «Родное пепелище», 2010

ISBN 978-5-98948-018-5

Владимир Аркадьевич Чугунов – протоиерей, составитель жития и церковной службы святому праведному отцу Алексию Бортсурманскому, жития «старца Зосимы (Захарии)», «Евангелия для детей», «Библии для детей», автор книг «Русские мальчики», «Городок», «Дыхание вечности», «Мечтатель», «Молодые». Книга «Матушки» сложилась из долголетнего общения автора с подвижниками благочестия наших дней: московской схимонахиней Варварой (Голубевой) и нижегородской схимонахиней Марией (Кудиновой). Обе праведницы являются живыми свидетелями того, как верно сказал протоиерей Николай Гурьянов с острова Залита, что Святая Русь никогда, даже в самые тяжёлые для веры времена, не умирала. Книга предназначена для всех, любящих Церковь, Россию, ищущих спасения.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-98948-018-5

© Чугунов В. А., 2010
© МОФ «Родное пепелище», 2010

Содержание

Предисловие	6
Московская праведница	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Аркадьевич Чугунов
Матушки

*жизнеописания подвижниц благочестия
наших дней: московской схимонахини
Варвары (Голубевой) и нижегородской
схимонахини Марии (Кудиновой)*

© В. А. Чугунов

Предисловие

Жизнь обеих подвижниц, схимонахинь Варвары (Голубевой) и Марии (Кудиновой), если не в самом раннем детстве, которое началось ещё за порогом «новой эры», то в юности и в зрелые годы протекала в самые бурные, самые страшные для веры и Церкви времена, которые по силе и масштабам гонений превзошли все до сих пор бывшие гонения на Церковь Христову. Голод, холод, нищета, войны, закрытие монастырей и храмов, разрушения святынь, преследования за веру, преследования за вредительство социалистическому и коммунистическому строительству, за шпионаж, за злые умыслы против высоких товарищей – всё это было обычным явлением того смутного времени. И не мудрено, что в те времена практически всякую душу наполняло апокалипсическое предчувствие конца света. Обе матушки, нижегородская и московская, пережили это страшное для Церкви Христовой время, стяжав тот неоценимый дар любви, который собрал вокруг них впоследствии, когда пришло время, то, что единственно по праву можно назвать Христовой Церковью.

Эта книга является ещё и плодом благодарности автора, которому выпала величайшая милость встретить на своём жизненном пути обеих матушек и запечатлеть их светлый «христоролик» образ в своём сердце.

Московская праведница

Схимонахиня ВАРВАРА (Варвара Григорьевна ГОЛУБЕВА)
род. 3 декабря 1910 года – умерла 26 августа 1997 года
(родители – Григорий и Татьяна)

Отчего так? Пока жив человек, мы не придаём особенного значения его пребыванию между нами, всё-то нам кажется, так будет всегда, и только когда эта «живая книга» захлопывается вратами смерти, мы как за соломинку хватаемся за то малое, что осталось в нашей текущей, как песочные часы, памяти, перебираем оставшиеся памятные вещи, смотрим фотографии, запечатлевшие какой-нибудь незначительный, будничней миг, с трудом припоминаем обрывки бесед, более внимательно перечитываем письма, дневниковые записи... И это всё, что остаётся нам? И как горько, как тяжело осознавать, что эта «живая книга» уже никогда не раскроется перед нами, не услышим мы в ответ на наши «больные» и «неразрешимые» вопросы ни одного ободряющего, вразумительного слова. А сколько значила при этом интонация голоса, взгляд, улыбка! О, это были не просто слова! Это были слова жизни! А теперь лишь отзвуки: «Деточка, ты не прав» или: «Чего нам, деточка, бояться? С нами Бог!» Только теперь понимаешь (и понимаешь ли?) всю глубину сказанных в книге Серафима Роуза слов, которые написал человек о своём духовном отце, архиепископе Иоанне (Максимовиче), портрет которого стоял на столе в келье матушки Варвары рядом с иконой преподобного Серафима Саровского: «Такого отца у меня уже не будет. Подумайте только! Звонит мне в 12 часов ночи из Франции в Америку и говорит: „Иди спать. Всё, что сейчас просишь в молитве, получишь“». Тоже мог бы сказать, наверное, и каждый из тех, кто знал матушку Варвару: «Такой матери у нас уже больше не будет».

Представьте себе ясный июльский полдень. Сквозь небольшие оконца, глубоко посаженных в метровую толщину монастырских стен, падают снопы солнечного света, пробиваясь сквозь неплотно задёрнутые занавески. И в келье от этого радостно и светло. Мирно течёт за послеобеденным чаем беседа... Всё, как всегда, как обычно после воскресной Литургии, за которой молились час назад в недавно открывшемся, ещё не отреставрированном после долгих лет безбожного засилья соборе в честь Рождества Пресвятой Богородицы, что в соседстве знаменитой Лубянки. И вдруг – полный мрак! Слово кто напрочь захлопнул плотные ставни или на улице произошло мгновенное полное солнечное затмение. В наступившей темноте видны лишь «афонские» точки огоньков нескольких лампад. Остальных многочисленных икон-фотографий, которыми увешаны все стены кельи матушки Варвары, просто не видно. Жуть, почти осязаемая, наполнила келью. Напряжённая, чего-то выжидающая тишина. Никто не знает, что это и что делать.

И только матушка поднимает руку и начинает крестить окна. Их два. Чернота внезапного мрака начинает редеть, редеть, размываясь как тушь со стекла, и вот уже опять солнечный свет заполняет келью.

– Матушка, что это?

– Враг, – спокойно и просто отвечает она.

И это так же для неё очевидно и обыкновенно, как для простого смертного его собственные враги и недруги.

Наперёд хочу заметить, что все эти «чудеса» только для нас, погрязших в мирской суете, казались и теперь кажутся чем-то необыкновенным, эти же «рабы Божьи» жили и живут в ирреальном мире точно так же, как мы в реальном. Я знал, например, одну монахиню, жившую возле Троице-Сергиевой Лавры, которую тот же самый «враг», затемнивший Божий свет июльского полдня, подымал во время коленопреклонной молитвы на метр в воздух и что есть силы бил об пол. И ничего ей не вредило. А всё потому, что у монахини этой яйцо всмятку варилось столько-то Иисусовых молитв, в мешочек – столько-то, вкрутую – столько-то... И это буквально во всём строе её жизни. Такая своеобразная непрестанная память о Боге, молитвенное пред Ним предстояние...

* * *

К матушке Варваре впервые я заглянул на огонёк в 1984 году. Зазвала Таня Щукина, жена московского композитора, лидера экс-группы «Последний шанс» Владимира Щукина, познакомившаяся с матушкой Варварой осенью 1983 года после нашего совместного пастушеского сезона. С той поры матушка не сходила с её уст. Я сначала чинился. Не старец же, а какая-то престарелая монахиня...

Тогда матушка только-только проводила в Царство Небесное свою старшую «сестрёнку», как она её называла, схимонахиню Марию. Про матушку Марию мне было известно лишь, что после войны, окончив ветеринарные курсы, она почему-то оказалась в Ашхабаде, где проработала фельдшером до пенсии, и, вернувшись в Москву, поселилась у овдовевшей к тому времени младшей сестры. Вскоре и матушка Варвара вышла на пенсию.

Свою городскую квартиру подвижницы обменяли на полуразрушенную, с частичными удобствами келью, находившуюся в стене-ограде бывшего Рождественского монастыря. Горячей воды тут не было. Туалет на две квартиры (бывшие кельи) был общий. Квартиры и соединялись друг с другом через этот туалет дверями с обеих сторон. Кухни тоже не было. Газовая плита с кухонным столом стояли в узеньком коридоре, соединявшем две комнатки-кельи подвижниц. А что они были подвижницы, я понял с первого раза, потому что стены обеих келий были сплошь обвешаны простенькими бумажными иконами или репродукциями икон, а перед чтимыми образами денно и нощно в течение многих лет горели двенадцать лампад. Кельи были небольшие, метров по шестнадцать каждая, а матушкина, ближняя к выходу, вообще разделена перегородкой на две неравные части.

Поскольку речь пойдёт в основном о матушке Варваре, опишу несколько подробнее убранство её кельи. В первой её части, слева, за занавесом помещалась глубокая чугунная ванна. Поскольку горячей воды не было, матушки мылись в ней очень редко и по старинке – воду грели на газу и поливали друг на друга ковшом. После смерти «сестрёнки» Господь прислал матушке Варваре на помощь матушку Елену, бывшую офицерскую жену. Но поскольку она часто уезжала на родину, в Тверь, неоценимую помощь в это время оказывала матушке Таня Щукина, которую матушка считала своим ангелом-хранителем и очень любила её, в чём не раз признавалась автору этих строк. Да Таню и нельзя было не любить. Все мы, конечно, грешные, у каждого свои недостатки, и, тем не менее, в каждом из нас, особенно в те дни первого, ещё сравнительно молодого горения в вере, было столько прекрасных порывов жертвенного служения ближним, что их трудно было не заметить и не оценить. Священное Писание побуждает нас почаще, чтобы не оскудевала вера наша, поминать эти светлые дни («помянух дни древния и возвеселихся»). И Таня Щукина тогда, горя этою жертвенною любовью, старалась помочь каждому, чем только могла. И матушка Варвара это сразу оценила. Но, думается, было у них и родство душ. Я не встречал в жизни человека, более отзывчивого на чужую беду, чем матушка Варвара – так близко она принимала всё к сердцу, так искренне сострадала каждой чужой беде. И с Таней они часами могли беседовать о чужих бедах и скорбях, и в беседах болезновать о скорбящих. Это сердечное болезнование о «маленьком человечке», как выражалась матушка, доходило у неё до физических страданий. Так переживать могла только мать с большой буквы. Она и была для всех нас матерью, обращаясь к каждому из нас с ласковым материнским зовом – «деточка».

Справа от входа в матушкину келью стоял старый шифоньер, возле оконца – стол. Сама келья казалась квадратной, может, четырнадцать, а может, шестнадцать метров квадратных. Слева, вдоль стены, кушетка, за ней, у противоположной от входа стены, шифоньер – вся длина. Такая же ширина. Справа от шифоньера какой-то коротенький диванчик с тумбочкой в углу. На диванчике игрушечный (сантиметров сорок) синенький, с крестиком на крышке, гро-

бик (позже скажу, для чего тут поставленный). Потом окно, ещё этажерка, второе окно, в углу тумбочка. И с правой стороны от входа – круглый стол. На столе большая в резном позолоченном окладе икона преподобного Серафима Саровского, портреты владыки Иоанна (Максимовича), отца Самсона (Сиверса), множество маленьких икон... И за этим круглым столом обеды, помнится, порой по десять, а то и по пятнадцать человек. Забыл сказать о матушкином простеньком кресле, деревянные подлокотники которого были обмотаны материей, очевидно, чтобы не резало руки. Возле кресла подставка для ног. Ходить, практически было негде.

Как же, спрашивается, могло тут поместиться столько человек? А по-моему, и по двадцать помещалось. Стол выдвигали и раскладывали. Одни гости садились на кушетку, другие на табуреты, стулья и лавки. Еду подавали в дверь через головы. Уют был необыкновенный! Сидели часами, и уходить не хотелось. Матушка во время обеда никогда не садилась с гостями за стол. Говорила, либо уже поела, либо потом поест, либо ела, сидя в своём кресле, держа миску на коленях. За стол всегда садились в кухонных фартуках – такой своеобразный монастырский порядок...

Первое посещение зацепилось в памяти тем, что Таня Щукина обратила моё внимание на стоящую на этажерке (с книжку размером) икону святителя Феодосия Черниговского. Таня сказала: «Смотри, икона сама оmyвается». Подойдя, я действительно обнаружил расчищенную, как при реставрации, полоску сверху шириной около двух сантиметров. И потом при каждом очередном посещении, подходя к этой иконе, наблюдал, как увеличивалась ширина «расчищенной» незримым реставратором полосы. Впоследствии икона целиком обновилась. И ещё одна точно так же – во второй келье...

Меня это, конечно, удивило, поскольку, сами понимаете, времена тогда какие были. Место многожды заслуженного Брежнева занял серьёзный Андропов. Эти последние, хочется думать, как их теперь называют, «андроповские гонения», конечно, в сравнение не могли идти с теми, что пережила матушка вместе со всей Православной церковью, начиная с революции и, тем не менее, их изощрённое, прикрытое от широкой общественности коварство, могло сломать и ломало судьбы многих.

* * *

Мерзость запустения не обошла и территорию этого бывшего (ныне, слава Богу, действующего) женского монастыря. Хотя здание церкви сохранилось, как и большинство монастырских строений, образующих вокруг храма довольно значительную площадь, кое-где лишь оживлённую чахлами клёнами и кустами акаций, хамово племя и тут, вопреки всякому здравому смыслу, умудрилось воздвигнуть пятиэтажное, вечно грязное здание из белого кирпича, в котором размещался какой-то институт (сейчас его, кажется, сломали). Прямо за этим зданием, разделённом в одном лишь месте для прохода за территорию монастыря, тянулось одноэтажное здание бывших монашеских келий, заселённых жильцами. Вдоль фасада, под окнами каждой кельи – огороженные гнилым штакетником палисадники. Росли тут и клёны, и одичавшие яблоньки, и кусты акаций, шиповника.

Матушкина келья была крайняя, слева от прохода между зданиями. В палисаднике на ветвях клёна висели кормушки из молочных коробок для птиц. На ржавой, давно не крашеной крыше сидели и расхаживали голуби. Они то слетали на землю, то вспархивали стаей вверх. За окнами никогда и ничего не было видно. Справа от массивной, обитой дерматином двери, на уровне головы было небольшое оконце с решёткой.

Всякий раз, когда я нажимал кнопку звонка, окошко буквально тут же отворялось и слышался голос матушки Елены, привратницы и келейницы матушки Варвары.

– Кто?

– Молитвами святых отец наших... – начинал, было, я, как тотчас звякала щеколда, и дверь, и сердце привратницы распахивались мне навстречу.

– Аминь, аминь! Милости просим!

Не знаю, можно ли более изобразить радости на лице. Ну, кто я для неё, прошедшей сквозь безбожный век пожилой женщины? Типичное русское лицо. Я бы сказал типично иконописное, да боюсь перебрать. Кто желает более детального портрета, пусть сходит в сельский храм и посмотрит на лица молящихся русских матерей. А может, кто видел подобное выражение у своей бабушки, старенькой матери? Или на картинах известных художников. Ещё из седой древности знакомо выражение этого благочестивого лица, глаз, смотрящих в вечность. Вот отчего так порой невозможно оторвать глаз от этого лица. И не ошибусь, если скажу, что все они чем-то похожи, а может быть, и есть всего лишь одно лицо – лицо народа-Богоносца.

– Мать, встречай гостей! – кричит мать Елена.

Одета она не по-монашески. Вообще они с матушкой никогда не надевали свои монашеские облачения. И даже никогда не говорили, что они монахини, хотя все прекрасно об этом знали. Ничего монашеского в их простоте не чувствовалось. Мать Елена была вдовой военного. На родине у неё остались взрослые, давно определившиеся дети. Была, кажется, квартирка.

– Молитвами святых отец наших...

– Аминь, аминь! – слышится радостно-бодрый голос матушки Варвары.

Вхожу.

– Матушка, благословите.

И когда склоняюсь, вижу сосредоточенное в молитве, полное лицо матушки, занесённую для благословения пухленькую руку. Такая же тёплая, мягкая рука была у моей покойной бабушки Поли.

Вошедшая следом за мной мать Елена, испросив благословение, стала накрывать на стол. Мне дают фартук. Это делается всякий раз перед едой, и все к этому давно привыкли. Привыкли и ко многому другому в этом маленьком монастыре. Не знаю, что побудило их с сестрой обменять благоустроенную московскую квартиру на эти развалины, но знаю, что матушка ни разу об этом не пожалела. «Тут стены намоленные,» – иногда говорила она. И нельзя было с этим не согласиться, хотя соседи в основном были неверующие, некоторые даже враждебно настроенные.

Когда стол был накрыт, встали молиться.

Матушка перекрестила стол, мы сели. Никогда и нигде прежде столь вкусной не казалась мне простая, с молитвой приготовленная пища. Это отмечали все посещавшие матушку. Всё было скромно и непритязательно, поглощалось с большим аппетитом и никогда не тяготило после обеда.

* * *

Все основные события матушкиной жизни последних десяти-двенадцати лет связаны с этой кельей. И жизнь этого крохотного тайного монастыря, если так можно было назвать двухкомнатную квартирку, была не похожа ни на какую другую жизнь. И хотя квартирка их была в соседстве со знаменитой Лубянкой, никому даже и в голову не могло прийти, что столько лет подряд за этими небольшими окнами ежедневно, не переставая, совершалась непрестанная молитва. Даже глянув на этих скромно, по-деревенски одетых старушек, никому бы и в голову не пришло, что это какие-то особенные, отличные от других люди, и уж тем более что занимаются они каким-то важным делом.

И, тем не менее, изо дня в день за стенами этого тайного монастыря теплились неугасимые лампады, и год от году с потемневших после революции икон сама собой сходила чернота. Свидетелей этого чуда было не так уж много, но и не мало, но поскольку по своему социаль-

ному, так сказать, положению матушки были всего лишь пенсионерки, иначе, «не известно кто», никто бы и значения их словам не придавал, вздумай они обо всём этом «распространяться». Они и сами прекрасно об этом знали, и поэтому «не распространялись», помалкивали. Помалкивали и матушкины послушницы-пострижницы. И всякий раз, посещая свою тайную игуменью, со смирением и, главное, с любовью спрашивали у неё благословение на свои земные дела, во всём затруднительном совета, а некоторые даже ходили «на откровение помыслов» (своеобразная монастырская исповедь), просили молитв. И матушка Варвара, как власть имущая, всех благословляла, ласково называя при этом «деточка», хотя были среди этих «деточек» некоторые всего на пяток лет её помладше. Но, главное, всем им это так нравилось, все они матушку за доброту её так любили! И, ради справедливости надо прибавить, каждый из них на себе уже не раз испытал силу её молитв.

И только лежащий вокруг этого будто бы Богом забытого монастырька мир ничего подобного не только не замечал и не хотел замечать, а, казалось, вообще ни в чём таком в своей правильной деятельности не нуждался. Всё так же, как и прежде, кипела вокруг шумная и от этого, казалось, очень важная жизнь большого города, страны в целом, покорялись океаны, моря, недра земли, вершины гор, пространство и время, светящиеся спутники вращались вокруг затерявшейся между звёзд песчинки-планеты, по широким проспектам, в сопровождении мотоциклов, время от времени проносились кортежи с владыками мира сего, с голубых экранов ободряюще улыбались земные звёзды, говорили очень важные и очень правильные слова, под землёй с ужасной скоростью носились поезда метрополитена, и таким это всё казалось неизбежным, что никому и на разум прийти не могло, что в какой-то убогенькой келье, какие-то одетые во всё тёмное старушки занимаются каким-то важным и даже необходимым для судеб мира делом.

И всё же это было так. И сама матушка, и её старшая сестра Мария, прибывшая в 1961 году из Ашхабада, где до пенсии работала фельдшером, и умершая в 1980 году, добровольно и, ведь самое главное, совершенно бесплатно несли на себе бремя такого труда, о значимости которого не только в Москве, но и во всём мире мало кто тогда догадывался.

Внешне незамысловатая канва их жизни протекала так. Около пяти утра вставали на Полунощницу, молились, затем пили чай, отдыхали. Иногда во время чаепития беседовали либо о духовном, либо о самом необходимом земном, либо читали по очереди что-нибудь из того небольшого, чудом сохранившегося духовного наследия прошлого, но чаще свои же собственные выписки из разных, специально для переписки даваемых знакомыми людьми духовных книг. Потом отдыхали, затем шли или ехали на троллейбусе по бульварному кольцу на Антиохийское подворье, что возле Чистых Прудов. После службы обедали, отдыхали, а потом рукодельничали, шили, вязали, штопали, ушивали, подшивали, подлатывали, ходили в магазин за продуктами, между рукоделием исполняли монашеское молитвенное правило, вечером опять шли на службу. После вечерней службы принимали народ. Не так и много его поначалу ходило. Во время трапезы, как называли они вкушение пищи, беседовали, делились новостями. Потом все по очереди оставались с матушкой Варварой наедине. Она сидела в кресле, а вопрошающий или пришедший на «откровение помыслов» вставал рядом на колени. Если появлялся кто-либо из новеньких, особенно же, не из монашествующих, ничего подобного его, разумеется, делать не побуждали. Всё тут было добровольно. Новичка всячески старались обласкать, согреть, утешить, если в том была нужда, своим вниманием и любовью. И, накормив, как родного уже, провожали с миром, с поклонами, с крестным знаменем. Для назидания переписывалась матушка Варвара со знаменитым архимандритом Кукшей, принимали у себя в келье архимандрита Сампсона (Сиверса), утешаясь его наставлениями, подолгу жила в Рижской пустыньке на послушании у архимандрита Тавриона (Батозского), езживали в Псково-Печёрский монастырь на исповедь и для совета к старцу Борису, пока он был жив, много раз бывали на исповеди в Троице-Сергиевой Лавре у архимандрита Тихона (Агрикова) до его высылки

во времена хрущёвских гонений на новый Афон, потом у архимандрита Кирилла (Павлова), не говоря уж о своём духовнике архимандрите Парфении, служившем в небольшом селе под Мало-Ярославцем – там живали часто и подолгу.

И надо сказать, за всё это время, несмотря на соседство Лубянки, специальный отдел которой только тем и занимался, что всё подобное отслеживал и душил, вначале заключая в лагерь, а позже в психушки, никто из посещавших этот тайный монастырь на матушек не донёс. Даже совершенно, казалось бы, неверующие соседи.

* * *

Одним из благочестивых занятий матушки Варвары было переписывание святоотеческих наставлений в свою «амбарную книгу».

День Святой Пятидесятницы, Троица, был для матушки Варвары особенным в её жизни, как, впрочем, и Пасха, и Рождество, и другие Дванадцатые и Великие праздники. Но именно в Троицын день она внутренне постигала, что именно «Святым Духом всяка душа живится». Это и другие церковные песнопения, говорящие о просвещении души Святым Духом, свидетельствовали об одном – о неизреченной любви Божией к маленькому человечку. Матушке очень нравилось это выражение – «маленький человечек». И она часто употребляла его при разговоре, когда хотела подчеркнуть неизреченное милосердие Божие к падшему роду человеческому. Но ещё более утверждалась в этом, когда в День Сошествия Святого Духа бывала на службе в храме, украшенном берёзками и свежескошенной травой, когда народ вместе с хором пел «Царю Небесный». Надо заметить, что особенно тонкое ощущение просветления души почему-то переживается именно в сельском храме, в какой-нибудь небогатой, немногочисленной церквушке. И свет вечерний во время всенощного бдения, и яркий свет летнего полдня во время литургии, пыльным столбом сочившийся через открытые боковые двери вместе с запахами скошенных трав, и веяние лёгкого ветерка – всё как бы напоминает о прикосновении к душе Духа Живого и Зиждущего. Даже сам мир природы в такие минуты кажется сказочно преображённым. Конечно, преображается не мир, а душа, в эти коротенькие, ни с чем несравнимые мгновения жизни получающая способность особенного видения.

Матушка это прекрасно знала.

Знала так же и то, что такое «духовный мертвец»...

Будучи ещё семилетней девочкой она досыта насмотрелась на то, как вели себя эти духовные мертвецы после революции, и как быстро эта смертоносная зараза охватила людей. Как послал Господь, по пророчеству отца Иоанна Кронштадтского, «бич, в лице нечестивых правителей» и они залили «всю русскую землю кровью». И сама матушка не избежала этой заразы. И если сестра её, уехав под Ашхабад, да так до самой пенсии там и прожила девой, матушка выходила замуж за рабочего железнодорожного депо, где сама работала до самого выхода на пенсию. Из замужества этого ничего путного не вышло. Детей не было, муж пил, буянил, даже не раз бил её. И ушёл из жизни страшно – без покаяния, замёрзнув однажды ночью под чужим забором мертвецки пьяным. Отрезвление наступило сразу после замужества. Но деваться было некуда, и она всё терпела. Бога же она не забывала никогда. И хотя не была ещё связана монашескими обетами, переживала своё замужество, как ошибку слепой юности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.